

ДЭНИЕЛ ХЭНДЛЕР

Перевод ЮЛИИ ПУГАЧЕНКОВОЙ

ПОЧЕМУ

МЫ РАССТАЛИСЬ

ИЛЛЮСТРАЦИИ МАЙРЫ КАЛЬМАН

роман

МИОО

Дэниел Хэндлер
Почему мы расстались
Серия «Red Violet. Притяжение»
Серия «МИФ Проза»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69859939

Почему мы расстались / Дэниел Хэндлер: Манн, Иванов и Фербер;

Москва; 2024

ISBN 978-5-00214-265-1

Аннотация

Однажды Мин влюбляется в Эда, а Эд – в Мин, и обоим кажется, что это навсегда. Но через несколько недель они расстаются, и вся история их отношений умещается в одной коробке: билет с первого похода в кино, коробок спичек, ярко-зеленая камера, катушка так и не проявленной пленки, сложенный из бумаги звездолет «Я не могу перестать думать о тебе»... Собирая эту коробку, Мин рассказывает о том, какой бывает первая любовь и почему иногда она заканчивается.

На русском языке публикуется впервые.

Содержание

Почему мы расстались	9
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Дэниел Хэндлер
Почему мы расстались

Original title:
Why We Broke Up
by Daniel Handler

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

U.C.C. copyright notice on the Translation

Text copyright © 2011 by Daniel Handler

Art copyright © 2011 by Maira Kalman

Published by arrangement with Charlotte Sheedy Literary Agency. All rights reserved.

© Издание на русском языке, перевод, оформление. ООО «Манн, Иванов и Фербер», 2024

* * *

Шарлотт – вот почему мы встретились.

Д. Х. + М. К.

Почему мы расстались

Дорогой Эд,

через секунду ты услышишь глухой удар о землю. Около входной двери, которой никто не пользуется. От этого удара скрипнут дверные петли, ведь на землю, брякнув, опустится что-то очень тяжелое и важное, и Джоан оторвется от готовки. Она беспокойно взглянет на кастрюлю: отойдешь –стряпня пригорит. Я прямо-таки вижу отражение ее нахмуренного лица в булькающем соусе или каком-то другом вареве. И все же она пойдет посмотреть. А ты нет, Эд. Ты не сдвинешься с места. Наверное, ты, весь потный, сидишь один в своей комнате наверху. Тебе надо бы принять душ, но ты – я надеюсь, – убитый горем, валяешься на кровати, так что дверь откроет твоя сестра Джоан, хотя то, что ударилось о землю, предназначается тебе. Ты даже представить не можешь, что бросили у твоей двери. Ты даже не подозреваешь, почему это случилось.

Сегодня прекрасный день: светит солнце и все такое. В такие дни обычно думаешь, что все будет хорошо и так далее. Не самый подходящий день для всего этого, не самый подходящий день для нас, ведь мы встречались, когда на улице то и дело шел дождь: с 5 октября по 12 ноября. Но сейчас на календаре декабрь, небо прояснилось, и мне тоже все стало ясно. Сейчас, Эд, я расскажу тебе, почему мы расста-

лись. В этом письме будет вся правда о случившемся. А самая главная правда в том, что я чертовски тебя любила.

YOU EITHER HAVE THE
FEELING
OR YOU DON'T

FRAGILE

О землю стукнулась коробка, Эд. Я оставляю ее тебе. Я нашла ее в подвале и забрала себе, когда наши вещи перестали помещаться в ящике прикроватной тумбочки. А еще я боялась, что мама что-нибудь найдет, потому что ее так и тянет выведать мои секреты. Поэтому я свалила все вещи в коробку, спрятала ее в шкаф и поставила на крышку туфли, которые не ношу. В коробке все до единого воспоминания о нашей любви, трофеи и обломки отношений – словно конфетти, оставшиеся в канаве после праздника, словно хлам, вышвырнутый на обочину. Я вываливаю все содержимое коробки обратно в твою жизнь, Эд, не оставив себе ни единой нашей вещи. Я бросаю у тебя на крыльце коробку, Эд, но на самом деле я бросаю тебя.

Признаюсь, звук, с которым коробка стукнется о землю, заставит меня улыбнуться. В последнее время это редкость. С недавних пор я вылитая Эме Рондле в «Небеса тоже плачут», французском фильме, который ты не смотрел. Она играет модельера-убийцу и за весь фильм улыбается только два раза. Первый раз – когда главного злодея, убившего ее отца, сбрасывают с крыши, но я сейчас думаю о другой сцене. Я думаю о финале, когда героиня наконец получает конверт с фотографиями и, не распечатывая, сжигает его в вычурной пепельнице. Девушка понимает, что все кончено, она зажигает сигарету и, стоя в роскошном зеленом платье, смотрит, как стайка дроздов вьется вокруг церковного шпиля. Эта

картина так и застыла у меня перед глазами. Так улыбаются, когда в мире все снова идет своим чередом. Я улыбаюсь так же, потому что любила тебя, а теперь вышвыриваю твой хлам прочь из своей жизни, туда, где и тебе самое место. Я знаю, что тебе, Эд, этого точно не понять, но, может, если я расскажу тебе все с начала до конца, на этот раз до тебя дойдет. Ведь мне и теперь хочется, чтобы ты все понял. Конечно, я тебя больше не люблю, но все же я могу тебе кое-что показать. Ты знаешь, что я хочу стать режиссером, но ты никогда не видел, какие фильмы я проигрываю у себя в голове, и вот поэтому, Эд, мы и расстались.

YOU EITHER HAVE THE
FEELING
OR YOU DON'T

FRAGILE

На крышке коробки я нацарапала свою любимую цитату Хоука Дэвиса – он настоящая легенда, – и мне кажется, что каждое мое слово пропитано Хоуком Дэвисом, ведь это письмо я пишу, подложив крышку под лист. Пикап с логотипом магазина отца Эла потряхивает, поэтому некоторые слова выходят корявыми – вот уж не повезло тебе все это читать. Утром я позвонила Элу, и на вопрос: «Угадай, почему я звоню?» – он тут же ответил:

– Хочешь попросить меня куда-то тебя подбросить на папином пикапе.

– А ты хорош, – сказала я. – Почти угадал.

– Почти?

– Ладно, да, ты угадал.

– Хорошо, сейчас найду ключи и приеду.

– Они, наверное, остались у тебя в куртке со вчерашнего дня.

– Ты тоже неплохо соображаешь.

– Хочешь, скажу, куда мы поедем?

– Расскажешь в машине.

– Но я хочу сейчас.

– Это неважно, Мин, – сказал Эл.

– Зови меня мисс Безысходность, – сказала я.

– Почему?

– Собираюсь вернуть Эду его хлам, – ответила я, глубоко вздохнув, и услышала такой же вздох в трубке.

– Неужели?

– Да. Пора с этим заканчивать, правда?

– Конечно, если ты готова. Ты ведь готова?

Снова глубокий вздох, на этот раз куда более взволнованный.

– Да.

– Тебе грустно?

– Нет.

– *Мин.*

– Ну да, мне грустно.

– Ладно, я нашел ключи. Буду через пять минут.

– Хорошо.

– Хорошо?

– Я просто смотрю на цитату на крышке коробки. Помнишь у Хоука Дэвиса? «У тебя либо есть чувства, либо их нет».

– Скоро буду, Мин.

– Эл, прости. Мне не стоило...

– Мин, все в порядке.

– Ты не должен приезжать. Просто коробка слишком тяжелая, и я не знаю...

– Мин, *все в порядке*. И конечно же, я должен приехать.

– Почему?

Он вздохнул в трубку, а я все пялилась на крышку коробки. Я буду скучать по цитате, которую видела каждый раз, открывая шкаф, но по тебе, Эд, я не скучаю.

– Потому что, Мин, – ответил Эл, – ключи были в куртке, как ты и сказала.

Эл – очень хороший человек, Эд. Мы с тобой познакомились у Эла на вечеринке, на которую он тебя не пригласил, потому что и тогда был о тебе невысокого мнения и не хотел видеть на празднике в честь своих горьких шестнадцати ни тебя, ни кого-то еще из твоей банды шумных качков. Я ушла из колледжа пораньше, чтобы помочь Элу приготовить песто из одуванчиков, в который мы положили горгонзолу вместо пармезана, чтобы он сильнее горчило. Песто мы вылили на клецки с чернилами кальмара, которые купили в магазине отца Эла, потом из красного апельсина приготовили заправку для фруктового салата и испекли огромный кекс в форме сердца, добавив в него шоколад с 89 процентами какао. Кекс получился такой горький, что есть его было невозможно. А вы с Тревором, Кристианом и остальными друзьями завалились к Элу без приглашения, жались в углу и выпили всего-то девять бутылок горького темного эля «Скарпиас». Я была хорошим гостем, Эд, а ты даже не сказал виновнику торжества: «К сожаленью, с днем рождения» – и не вручил ему подарок, и вот поэтому мы и расстались.

Это крышечки от бутылок горького темного эля «Скарпиас», который мы с тобой пили в тот вечер во дворе у Эла. Я прямо-таки вижу яркие колючие звезды, пар от нашего дыхания в холодном воздухе, тебя в спортивной куртке и себя в кофте Эла, которую я всегда беру у него в гостях. Эл уже достал чистую сложенную кофту, когда я поднялась к нему в комнату, чтобы вручить подарок до прихода гостей.

– Я же говорил, что мне не нужен подарок, – сказал Эл. –

Достаточно того, что ты помогла мне с вечеринкой. Ты вовсе не обязана...

– Я делаю это не потому, что *обязана*, – ответила я: мы с Элом пользовались одними и теми же карточками с терминами, когда перешли в колледж. – Я кое-что нашла для тебя. Идеальный подарок. Открой.

Он с неуверенным видом взял сверток.

– Открывай скорее, с днем рождения.

– Что там?

– То, о чем ты мечтаешь. Очень на это надеюсь. Открывай.

Не зли меня.

Эл зашуршал бумагой, наконец разорвал ее и чуть не задохнулся. Я ликовала.

– Где ты его нашла?

– Ну разве, – сказала я, – у парня на вечеринке в *Una settimana straordinaria*¹ был не *точно* такой же?

Эл улыбался, глядя на коробочку. В ней лежал темно-зеленый галстук с орнаментом из ромбов. Я несколько месяцев хранила его в ящике с носками.

– Доставай, – сказала я. – Надень его сегодня. Правда ведь, это *точно* такой же?

– Когда тот парень вылезает из Porcini XL10, – сказал Эл, глядя на меня.

– Тебе в любом фильме только такие сцены и подавай. Надеюсь, галстук тебе нравится.

---

¹ Необычайная неделя (*итал.*).

– Да, Мин. Очень. Где ты его нашла?

– Незаметно смылась в Италию, соблазнила Карло Ронци, а когда он уснул, пробралась в комнату с его старыми костюмами...

– Мин.

– Ладно, я нашла его на гаражной распродаже. Давай завяжу.

– Я сам могу завязать себе галстук, Мин.

– Но не в день рождения. – Я принялась возиться с воротником Эла. – Тебя в нем просто заживо сожрут.

– О ком ты?

– О девушках. Женщинах. Которые придут на вечеринку.

– Мин, сегодня придут те же друзья, что и обычно.

– Почему ты так в этом уверен?

– Мин.

– Разве ты не готов? Я вот готова. Уже совсем не думаю о Джо. Грустить о той летней интрижке – ну уж нет. А ты? Ведь в Лос-Анджелесе ты был сто лет назад...

– В прошлом году. Вообще, даже в *этом*, но в прошлом учебном году.

– Ну да, а теперь начался наш предпоследний год в колледже, первый серьезный этап в нашей жизни. Разве ты не готов? К вечеринкам, к романтике, к *Una settimana straordinaria*? Разве ты – ну, не знаю, – разве ты не жаждешь...

– Я жажду попробовать песто.

– Эл.

– А еще жажду повеселиться с друзьями. Всё. Это самый обычный день рождения.

– Наступают твои горькие шестнадцать! Хочешь сказать, что если перед тобой затормозит девушка на Porsche как там его...

– Ладно, да, к машине я готов.

– Когда тебе исполнится двадцать один, – сказала я, – куплю тебе машину.

Эл очень медленно вздохнул, глядя на меня.

– Ты не сможешь этого сделать, Мин.

– Я могу достать то, о чем ты мечтаешь. Видишь, один раз у меня это уже получилось.

– Да, ты можешь завязать галстук. Но купить машину – это все равно что сплести аксельбант. Забудь об этом.

– Ладно, ладно.

– Но спасибо тебе.

Я пригладила Элу волосы.

– С днем рождения, – сказала я.

– Вот кофта, если замерзнешь.

– Конечно, замерзну, ведь я буду ютиться во дворе, пока ты погружаешься в мир страстей и приключений.

– И песто, Мин. Помни о песто.

Внизу Джордан включил горький плейлист, над которым мы так долго горбатились, а Лорен ходила по комнате с длинной спичкой в руках и зажигала свечи. *Тишина на площад-*

ке – так ощущались эти десять минут, когда в воздухе искрилось предвкушение самого невероятного, но ничего не происходило. А потом раздвижные двери со свистом разъехались, и в дом ввалились Моника с братом и парнем, который играет в теннис. Они принесли с собой вино, которое стащили на новоселье у мамы, – бутылка еще была обернута подарочной бумагой, – сделали музыку погромче, и вечер начался. Я втихомолку искала девушку для Эла. Но ни одной подходящей я не нашла: они все были либо с блестками на щеках, либо слишком дергаными, либо ничего не понимали в кино, либо уже с кем-то встречались. А потом совсем стемнело, лед в большой стеклянной миске почти растаял, будто полярным шапкам пришел конец. Эл все говорил, что пора подавать кекс, и тут, словно песня, забытая песня из плейлиста, в доме и в моей жизни появился ты.

Ты казался сильным, Эд. Наверное, ты всегда кажешься сильным: такие уж у тебя плечи, такой уж у тебя подбородок, такие уж у тебя руки, которыми ты размахивал, проходя по комнате, такая уж у тебя шея – теперь я знаю, что тебе нравится, когда ее целуют. Сильный, вымытый, уверенный в себе, крепко сложенный, даже приветливый, но не желающий угождать. Полный сил и мощный, как боевой клич. Я сказала «вымытый». А имела в виду «изумительный», Эд. У меня перехватило дыхание, как у Эла, когда тот открыл мой идеальный подарок.

– Люблю эту песню, – сказал кто-то.

Ты, наверное, всегда так ведешь себя на вечеринках, Эд: медленно ходишь из комнаты в комнату, поводя плечами, и здороваешься глазами с каждым встречным. Некоторые гости пристально изучали тебя взглядом, кое-кто из парней дал тебе пять, а Тревор и Кристиан, словно телохранители, хотели было закрыть тебя спинами. Тревор был изрядно пьян, ты вслед за ним вышел из комнаты, скрывшись из виду, а я еле дождалась очередного припева и пошла тебя искать. Сама не знаю почему, Эд. Мы ведь встречались и раньше. Все остальные тоже видели тебя не в первый раз: скажем, ты как фильм, который все смотрели в детстве, – нет такого человека, который бы тебя не знал. Но в ту самую минуту, тем самым вечером мне вдруг очень-очень захотелось посмотреть на тебя еще раз. Прошмыгнув мимо парня, который выиграл конкурс по естествознанию, я заглянула в столовую. На стенах были развешаны рамки с фотографиями Эла: он с неловким видом сидел на ступеньках церкви. Все комнаты были переполнены, в доме было слишком жарко и слишком шумно, и я, взбежав по лестнице и постучавшись на случай, если кто-то уже занял кровать Эла, захватила кофту и выскользнула во двор. Хотела подышать и надеялась встретить тебя. И да, ты был во дворе. И что меня потянуло прийти туда, где с ухмылкой стоял ты, держа в руках две пивные бутылки, пока Тревора рвало на клумбу мамы Эла? Это зрелище точно для меня не предназначалось. «Это же не *мой* день рождения», – подумала я. Ни к чему

мне было выходить во двор. «Господи, да ведь тебя, Эд Слатертон, – сказала я себе, – даже не приглашали».

Что на меня нашло? Что я творю? Но тут я громко спросила тебя, что случилось.

– Со мной ничего, – ответил ты. – А вот Треву нехорошо.

– Пошел ты, – проворчал Тревор из кустов.

Ты засмеялся, и я тоже засмеялась. Ты поднял бутылки к фонарю над крыльцом, чтобы понять, какая из них чья.

– Вот, держи, из нее никто не пил.

Обычно я пиво не пью. Обычно я вообще не пью. Я взяла бутылку.

– Это же пиво твоего друга?

– Не нужно ему смешивать, – отозвался ты. – Он уже выпил полбутылки «Паркерса».

– Правда?

Ты посмотрел на меня и забрал бутылку, потому что я никак не могла ее открыть. Ты справился с этой задачей за секунду и, протянув мне бутылку, всунул мне в ладонь, словно монеты, словно тайные богатства, две крышечки.

– Мы продули, – объяснил ты.

– Что же он делает, когда вы выигрываете? – спросила я.

– Выпивает полбутылки «Паркерса», – ответил ты, и тут...

Джоан рассказала мне потом, что однажды тебя избили на командной вечеринке после провальной игры, поэтому после проигрышей ты стал приходить на чужие тусовки. Джоан предупреждала, что встречаться с такой звездой бас-

кетбола, как ее брат, непросто.

– Ты с ума сойдешь от одиночества, – говорила она, облизывая ложку и делая песню Хоука погромче. – Помрешь со скуки, пока твой баскетболист будет разъезжать по миру и стучать мячом об пол.

Я по глупости думала, что мне на это плевать.

...И тут ты спросил, как меня зовут. Я ответила, что сокращенно меня зовут Мин, а полностью – Минерва, в честь древнеримской богини мудрости, и что меня так называли, потому что папа получил магистерский диплом, когда я родилась, и что – нет, даже не думай, нельзя – называть меня Минни может только бабушка, потому что она сказала – я спародировала ее голос, – что любит меня больше всех.

Ты сказал, что тебя зовут Эд. Как будто я этого не знала. Я спросила, почему вы проиграли.

– Не будем об этом, – ответил ты. – Если я стану рассказывать, как все было, это заденет все мои чувства.

Мне понравилась фраза *все мои чувства*.

– Все до единого? – спросила я. – Правда?

– Ну, – сказал ты и глотнул пива. – Одно или два чувства у меня еще остались. Я еще могу что-то чувствовать.

Я тоже что-то чувствовала. Конечно, Эд, ты все равно рассказал мне, как вы проиграли – ты же парень. Тревор похрапывал, лежа на газоне. Пиво было отвратительным на вкус, и я потихоньку выливали его на холодную землю, а из дома доносилось пение. *К сожаленью, Эл, с днем рожденья те-*

бя – и Эл ни разу не припомнил мне, что я стояла во дворе с парнем, о котором он был невысокого мнения, вместо того чтобы смотреть, как мой друг задувает шестнадцать черных свечей на темном несъедобном торте – с *днем рождения тебя*. Ты рассказывал мне про матч, оживленно жестикулируя худощавыми руками, заново переживая каждый пас. Рукава твоей куртки слегка поскрипывали при движении. Я до сих пор ничего не понимаю в баскетболе, для меня это шумная неразбериха с крикливыми людьми в спортивной форме, и хоть я тебя и не слушала, я жадно ловила каждое слово. Знаешь, что мне понравилось, Эд? Слово *лэй-ап* – в нем было что-то манящее. Я смаковала его – *лэй-ап, лэй-ап, лэй-ап*, – пока ты говорил про финты, фолы, штрафные, блокшоты и промашки, после которых все пошло не так. Ты исполнил лэй-ап – и мяч спикировал точно в корзину, как ты и хотел, а из дома уже доносилась новая песня: *И то, что он горький парень, и то, что он горький парень, и то, что он горький парень, не может никто отрицать*. Я бы вставила эту песню в фильм. Она так отчетливо звучала из окна, что твои слова казались мне просто бубнежкой на спортивную тему. Закончив рассказ, ты изящным движением швырнул бутылку об изгородь и вдруг произнес:

– Могу я...

Я подумала, что ты хочешь спросить, можно ли тебе называть меня Минни. Но ты хотел знать, можно ли мне позвонить. С какой стати ты задал мне этот вопрос? С какой

стать я ответила да? Я бы ответила да, Эд, и разрешила бы тебе называть меня ненавистным именем, которое я терпела только от человека, любившего меня больше всех. Но я ответила: «Да, конечно, звони, и, может, на следующих выходных сходим в кино». У желаний, Эд, есть одно свойство. Ты понимаешь, о чем мечтаешь, только когда это что-то появляется у тебя перед глазами. Как галстук на гаражной распродаже – идеальная вещица в полупустом ящике. Ты запросто заявился к Элу без приглашения, но вот вечеринка закончилась, и я мечтала только о тебе, словно о самом желанном подарке. Я ведь даже никого не искала – а если и искала, то точно не тебя, – но теперь мое сердце рвалось куда-то в темноту и стучало так громко, что Тревор в любой момент мог проснуться.

– Это был Эд Слатертон? – спросила меня Лорен, стоя с пакетом в руках.

– Где? – откликнулась я.

– Там. Не задавай глупых вопросов. Это был он. Кто его пригласил? Просто *бред* какой-то, что он здесь забыл?

– Ну да, – сказала я. – Никто его не приглашал.

– И он попросил у тебя номер телефона?

Я сжала кулак, чтобы спрятать крышечки от бутылок.

– Угу.

– Эд Слатертон к тебе подкатывает? Он *позвал* тебя на свидание?

– Вообще-то никуда он меня не звал, – сказала я. –

Он просто спросил, можно ли...

– Можно что?

Пакет зашуршал на ветру.

– Можно ли позвать меня на свидание, – созналась я.

– Господь всемогущий, – выдохнула Лорен и тут же добавила: – Как сказала бы моя мама.

– Лорен...

– Мин идет на свиданку с *Эдом Слатертоном*, – крикнула Лорен в открытую дверь.

– Что? – на пороге появился Джордан.

Эл, стоя у кухонной раковины, ошарашенно пялился на меня, как будто увидел енота.

– Мин идет на свиданку...

Джордан огляделся вокруг:

– Правда?

– Нет, – ответила я, – не совсем. Он просто взял мой номер.

– Ну да, он это просто так сделал, – хихикнула Лорен, засовывая в пакет мокрые салфетки. – Может, он работает в телефонной компании.

– Прекрати.

– Или коллекционирует телефонные коды.

– Лорен...

– Он *позвал* тебя на свидание. Эд Слатертон.

– Он не позвонит, – не уступала я. – Мы просто поболтали на вечеринке.

– Не принижай себя, – сказал Джордан. – Если так подумать, у тебя есть все, что Эд Слатертон ищет в миллионах своих подружек. У тебя две ноги.

– И ты относишься к углеродной форме жизни.

– Отстаньте, – сказала я. – Он не... Он самый обычный парень.

– Вы только послушайте ее: *обычный парень*. – Лорен подобрала какие-то бумажки. – Эд Слатертон позвал тебя на свидание. Просто бред. Такой же бред, как «Взгляд на крышу».

– Ничего бредового в этом нет, как и в прекрасном фильме, который, кстати, называется «Взгляд на потолок». *И вот еще*: он не позвонит.

– Поверить не могу, – сказал Джордан.

– А тут и не во что верить, – обратилась я ко всем присутствующим и к себе самой в том числе. – Была вечеринка, на нее пришел Эд Слатертон, теперь все закончилось, и мы убираемся.

– Ну так помоги же мне, – произнес наконец Эл, протянув мне мокрую чашу для пунша.

Я вбежала на кухню и стала искать полотенце.

– Это нужно выкинуть?

– Что?

Эл показал на крышечки, зажатые у меня в руке.

– А, да, – сказала я, но, отвернувшись, сунула крышечки в карман.

Эл отдал мне чашу с полотенцем и пристально посмотрел на меня.

– Эд Слатертон?

– Ага, – ответила я, стараясь не зевнуть. Меня распирало изнутри.

– И он правда хочет тебе позвонить?

– Не знаю, – сказала я.

– Но ты на это *надеешься*?

– Не знаю.

– Не знаешь?

– Он мне не позвонит. Это же Эд Слатертон.

– Я знаю, кто он такой, Мин. Но ты... зачем тебе?..

– Не знаю.

– Ты знаешь. Как ты можешь не знать?

Я умею уходить от ответа:

– С днем рождения, Эл.

Эл покачал головой – наверное, потому, что я улыбалась. Улыбалась я, наверное, потому, что вечеринка закончилась, а у меня в кармане остались крышечки от бутылок. Возвращаю их тебе, Эд. Забирай. Как бы я хотела вернуть тебе улыбку, и тот вечер, и все остальное.

OCTOBER 5
GRETA IN THE WILD

ADMIT

1

please
HOLD ON

TO THIS
TICKET

STUDENT • MATINEE

The Carnelian

Это билет с нашего первого похода в кино. Видишь, на нем написано: «“Грета на воле”, студент, утренний сеанс, 5 октября», день, о котором я никогда не смогу вспоминать спокойно. Не помню, твой это билет или мой, но помню, что я купила оба билета и ждала тебя у входа в кинотеатр, стараясь не перемигиваться с ноги на ногу, как будто на морозе. Ты почти опоздал – я уже потом поняла, что для тебя это нормально. Я что-то чувствовала. Ты не придешь – вот что я ощущала, представляя, что в фильме «5 октября» камера перемещалась бы туда-сюда по улице и захватывала бы в кадр меня: одинокая я с мрачным видом болтаюсь у дверей кинотеатра. «Ну так что, – думала я. – Ты всего лишь Эд Слатертон. Приходи. Что такого? Приходи, давай, где же ты? Черт, неужели все были правы насчет тебя? Докажи им обратное. Где ты?»

И вдруг ты, похлопав меня по плечу, снова появился в моей жизни из ниоткуда. Твои непросохшие волосы были зачесаны назад, и ты улыбался – наверное, волновался. Или, как я, почти не дышал.

– Привет, – пропищала я.

– Привет, – сказал ты. – Прости, что опоздал, если опоздал. Забыл, в какой кинотеатр мы идем. Сюда я обычно не хожу. Думал, мы в «Интернэшнл» собирались.

– В «Интернэшнл»? – «Интернэшнл» и «Карнелиан», Эд, это разные вещи. В «Интернэшнл» по кругу показывают бри-

танские фильмы по одним и тем же романам Джейн Остин и экологические документалки. – И кто же тебя ждал у «Интернэшнл»?

– Никто, – ответил ты. – Мне там было очень одиноко. Здесь мне больше нравится.

Мы стояли совсем рядом, и я открыла входную дверь.

– Значит, ты здесь никогда не был?

– В восьмом классе нам здесь показывали что-то про Вторую мировую. А до этого папа водил нас с Джоан смотреть какой-то черно-белый фильм. Это, кажется, было еще до того, как он встретил Ким.

– А я здесь чуть ли не каждую неделю бываю.

– Отлично, – сказал ты. – Теперь я знаю, где тебя искать.

– Угу, – пробурчала я, упиваясь твоими словами.

– Ладно, напомним, что мы сегодня смотрим?

– «Грета на воле». Шедевр П. Ф. Мейлера. Его редко увидишь на большом экране.

– Мм, – протянул ты, оглядывая полупустой холл. Зрителей было мало: только завсегдатай-бородач, который снова пришел в кино один, еще влюбленная парочка – наверное, студенты – и старушка в красивой шляпе, на которую я засмотрелась.

– Я возьму билеты.

– Я их уже купила, – сказала я.

– А, – ответил ты. – А мне тогда что купить? Попкорн?

– Обязательно. В «Карнелиане» его умеют готовить.

– Отлично. Возьмем с маслом?

– Бери какой хочешь сам.

– Нет, – сказал ты, дотронувшись до моего плеча. Ты, конечно, этого не помнишь, но я почти растаяла. – Возьмем, что хочешь *ты*.

Я уже получила то, чего мне хотелось. Мы сидели на моих любимых местах в шестом ряду. Выцветшая роспись на стенах, липкий пол. Бородатый мужчина, как всегда, сел на задний ряд – его привычки всегда были одинаковы и вымеренны, как углы прямоугольника. Сбоку и чуть позади от нас устроилась старушка: она сняла шляпу и положила ее на соседнее сиденье. А рядом со мной сидел ты, Эд, и, когда погас свет, ты обнял меня – и у меня внутри все перевернулось.

Занавес открывается, и «Грета на воле» начинается с яркой, блистательной сцены. Лотти Карсон играет хористку. У нее на подбородке ямочка – благодаря ей актриса стала любимицей Голливуда и любовницей П. Ф. Мейлера. В книге «Когда гаснут огни: краткая иллюстрированная история кино» на фотографиях с роскошных вечеринок Мейлер крепко обвивает Лотти руками. В этом фильме она чуть старше меня, в руках у нее кружевной веер, на голове – крошечная шляпка; в сопровождении оркестра она исполняет песню «Ты просто прелесть, милый», а с потолка на веревках свисает картонное блестящее яблоко. Майлз Де Ла Раз с напыженными усиками, сидя в ложе между угрюмыми телохранителями, не может отвести от Лотти глаз, а ты, забыв

о попкорне, сжимаешь мою ладонь обеими руками, теплыми и словно наэлектризованными.

За кулисами Майлз показывает, какой он поганец, словно одних усов было недостаточно, чтобы мы об этом догадались. «Грета, я тысячу раз просил тебя не разговаривать с этим уродом-тромбонистом», «О, мы с Джо всего лишь друзья» и так далее. Потом, наверное, был еще диалог и еще песня, но...

...ты меня поцеловал. Это было неожиданно, хотя, мне кажется, нет ничего неожиданного в том, чтобы поцеловать кого-то на свидании, особенно если ты Эд Слатертон или, раз уж я решила написать всю правду, если ты Мин Грин. Отличный первый поцелуй: нежный и прерывистый; я и сейчас, сидя в пикапе отца Эла, чувствую его на шее так же отчетливо, как солнечный свет и тряску машины. «Что же ты сделаешь дальше?» – подумала я, а потом под *ра-та-та* автоматов в переулке, под свист пуль, вонзающихся в футляр для инструментов, и под крики Лотти Карсон, одетой в норковую шубку, сама поцеловала тебя.

Лотти Карсон нужно уезжать из города, а мы остаемся на своих местах. Верный соратник Майлза Де Ла Раза, лысый тип, игравший простуженного очкарика в «Полночном ужине», сажает Лотти на поезд, а она швыряет норковую шубку прямо в его недовольное лицо. Но ты, наверное, не помнишь эту сцену, потому что мы были заняты французским поцелуем: твой влажный рот источал тончайший аромат мятной

зубной пасты. Как-то однажды мы с Элом смотрели «Грету на воле» и «Хватай пушку» у него дома и угощались пищей с холодным кофе, от которого на меня напала болтливость, а на Эла – тревожность: у него тряслись колени и он не знал, куда девать руки. Так что эту сцену я видела. Боже, как же Лотти пожалеет о том, что выбросила шубку, ведь поезд едет все дальше и дальше на север. На большом экране склейки сцен смотрятся еще лучше, края изображения затуманены, и мы видим названия городов: «Буффало! Следующая станция Буффало!» – а затем становится только интереснее: «Вустер! Бадвуд! Чокипонд! Даксбриз!» – и так пока Лотти не приезжает в Юкон, где ее на собачьей упряжке встречает укутанный Уилл Рингер, который готов увезти Лотти еще дальше и спрятать... А твоя рука скользит по моей шее, и я не знаю, станешь ли ты трогать меня за грудь через почти самую любимую мою блузку со странными жемчужными пуговицами, из-за которых ее приходится стирать вручную, или же ты просто поддержишь меня за талию, прежде чем опуститься еще ниже, и расскажешь ли ты кому-то, если я захочу тебя остановить, и прошло всего двадцать минут от нашего первого фильма на первом свидании, а ты уже всю прикасаешься ко мне. Я отнимаю свои губы от твоих и вижу, что Лотти Карсон одна спит в иглу, а Уилл Рингер – у него заиндевела борода; он сбреет ее по просьбе Лотти, которую он любит, – спит с собаками. Затем мы, едва держась за руки, спокойно сидели в темноте до конца фильма, а по-

том на экране был долгий-долгий поцелуй, а потом мы, моргая, стояли в холле, и я спросила, что ты думаешь о фильме.

– Хм-м, – протянул ты, пожал плечами, посмотрел на меня, снова пожал плечами и покачал ладонью вправо-влево – мол, фильм так себе, – а мне захотелось схватить тебя за запястье и прижать твою руку туда, куда совсем недавно я бы тебя не пустила. Мое сердце, Эд, *бабахало*, требуя, чтобы это случилось прямо 5 октября в кинотеатре «Карнелиан».

– Ну, мне фильм понравился, – сказала я, надеясь, что не покраснела от собственных мыслей. – Спасибо, что посмотрел его со мной.

– Угу, – буркнул ты и добавил: – Всегда пожалуйста.

– Всегда пожалуйста?

– Ты поняла, о чем я, – сказал ты. – Прости.

– Прости?

– *Нет*, – ответил ты. – Я хотел спросить: чем теперь займемся?

– Хм-м, – задумалась я, а ты посмотрел на меня так, словно забыл свой текст. Чем с тобой можно заняться? Я рассчитывала, что ты сам что-нибудь предложишь, потому что я позвала тебя в кино. – Есть хочешь?

Ты слегка улыбнулся.

– Я играю в баскетбол, – отозвался ты, – так что ответ всегда «да».

– Понятно, – сказала я, мечтая о чае. Смотреть, как ты ешь? И это весь день, всё 5 октября? У меня в голове до сих

пор блистал образ Греты, и мне хотелось, чтобы мы сделали что-то такое...

А потом я вздохнула, вздохнула по-настоящему. Мне пришлось вести тебя – ведь ты не мог вот так сразу все понять – к началу истории, благодаря которой «5 октября» стал бы таким же чудесным фильмом, как тот, что мы только что посмотрели. К чему-то большему, чем старушка, что прошла мимо, чему-то большему, чем все, что могло попасться тебе на глаза обычным серым днем. В моих мечтах перед нами открылся занавес, и я взяла тебя за руку, чтобы показать тебе что-то большее, чем поцелуи двух влюбленных студентов в кинотеатре, что-то лучшее, чем чай для девушки и обед для спортсмена, ведь это случается в любой другой день с любыми другими людьми, я хотела показать тебе нечто волшебное на большом экране, нечто сверх, нечто...

...необычайное.

Я вздохнула и махнула рукой в нужном нам направлении. Я устраивала приключения прямо у тебя под носом, Эд, но ты их не замечал, пока я их тебе не показывала, и вот поэтому мы и расстались.

У меня разрывается сердце оттого, что приходится отдавать тебе этот мини-постер, но твое сердце тоже разбито, так что, думаю, мы в расчете. Да и все равно я по понятным причинам больше не могу видеть Лотти Карсон, поэтому, не верни я этот постер тебе, он сгнил бы где-то на свалке, а так ты заметишь его, как только откроешь коробку, и расплачешься, глядя на ее улыбку, на ее роскошную улыбку, на знаменитую улыбку Лотти Карсон.

– Что? – спросил ты, глядя на старушку, которая шла вниз

по улице.

– Лотти Карсон, – ответила я.

– Кто она?

– Она была в кино.

– Да, я видел, она сидела за нами. У нее еще такая шляпа.

– Да нет же, это *Лотти Карсон*, – сказала я. – По крайней мере мне так кажется. Она была в кино. *Грета*.

– Правда?

– Ага.

– Уверена?

– Нет, – ответила я. – Конечно, я не уверена. Но все может быть.

Мы вышли на улицу, и ты прищурился и нахмурился.

– Она совсем не похожа на актрису из фильма.

– Фильм сняли сто лет назад, – возразила я. – Включи воображение. Если это Лотти, значит, она тайком пришла в «Карнелиан», чтобы посмотреть на саму себя, и об этом знаем только мы.

– Допустим, это она, – не уступал ты. – Но как это проверить?

– Это невозможно *проверить*, – ответила я. – Точно не сейчас. Но знаешь, я кое-что почувствовала. Во время долгого поцелуя в конце.

Ты улыбнулся, и я поняла, о каком поцелуе ты думаешь.

– Да, ты кое-что почувствовала.

– Я не о *том* поцелуе, – сказала я и снова почувствовала,

как ты обеими руками нежно отводишь мои волосы назад. – Я про поцелуй в фильме.

– Подожди немного, – сказал ты и вернулся в кинотеатр.

Дверь за тобой захлопнулась, и я смотрела на тебя сквозь мутное стекло, словно ты был на пленке без фокуса или на поблекшей гравюре. Ты быстро приблизился к стене, чуть нагнулся, а потом поспешно вышел на улицу, взял меня за руку, и мы на красный свет перебежали Десятую авеню к химчистке. Я посмотрела на часы над вешалкой, которую работники химчистки крутят, чтобы найти одежду клиентов. Фильм оказался коротким, и у меня было полно времени до часа, к которому я обещала маме быть дома и к которому условилась созвониться с Элом, чтобы рассказать ему о свидании во всех подробностях. Вещи в пластиковых чехлах кружились друг за другом, словно им устроили учебную пожарную тревогу, но вот вешалка остановилась, и неказистое платье упало в объятия морщинистой женщины. Но ты, положив теплую руку мне на щеку, повернул мою голову, и я поняла, что ты хочешь мне показать. Из книги «Когда гаснут огни: краткая иллюстрированная история кино» я знала, что это называется мини-постер – его-то ты и стащил из «Карнелиана». Судя по цветовой гамме, ты держал в руках настоящий классический образец постера, на котором были и ямочка на подбородке, и улыбка. На фоне метели красовалась любимица Голливуда милашка Лотти Карсон.

– То есть, по-твоему, – спросил ты, – эта актриса и вон

та женщина – один и тот же человек?

– Посмотри на нее, – сказала я и взялась за уголок постера. У меня перехватило дыхание, когда я до него дотронулась. Я держалась за один уголок постера, ты – за другой, в третьем углу виднелся логотип Vixby Brothers Pictures, а четвертый уголок, как видишь, оторвался и остался висеть на кнопке в холле кинотеатра, когда ты сорвал постер, чтобы мы вместе могли рассмотреть Лотти Карсон.

– Если это Лотти, она, наверное, здесь живет, – осенило меня. Старушка в пальто и шляпе уже успела дойти до середины улицы. – Ну, то есть в этом районе. Неподалеку. Это было бы...

– Если это, конечно, Лотти, – сказал ты.

– Глаза точь-в-точь такие же, – ответила я. – И подбородок. Посмотри на ямочку.

Ты взглянул вдаль, потом на меня, потом на постер.

– Ну, – сказал ты, – *это* точно Лотти. А вот старушка может ею и не быть.

Я отвела взгляд от старушки и посмотрела – боже, как же ты был прекрасен – на тебя. Я поцеловала тебя. Я до сих пор помню твои губы, я прямо сейчас ощущаю то же, что и в ту минуту, хоть у меня уже и нет чувств.

– Даже если это не Лотти, – прошептала я после поцелуя и уткнулась тебе в шею, но мне тут же пришлось отпрянуть от тебя, потому что женщина из химчистки *кхм-кхмыкнула* на нас и прошла мимо, перекинув через руку устало повис-

шее неказистое платье, – мы должны за ней проследить.

– Что? Проследить за ней?

– Пойдем, – сказала я. – Сможем проверить, Лотти это или нет. Ну, и...

– Это лучше, чем смотреть, как я ем, – ты прочитал мои мысли.

– Ну, можем и пообедать, – сказала я. – Или, если тебе нужно, пойдем по домам.

– Нет, – ответил ты.

– Нет, ты не хочешь идти домой, или нет, тебе не нужно идти домой?

– Нет, то есть да, пойдем за ней, если хочешь.

Ты стал переходить на ту сторону улицы, по которой шла старушка, но я схватила тебя за руку.

– Нет, останемся здесь, – сказала я. – Нужно соблюдать безопасную дистанцию, – это я знала из «Полночи в Марокко».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.